

Письмо М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года: лингвистический аспект

Вардомацкий Л.М.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Выводы относительно времени и истоков национальной закреплённости языковых форм должны базироваться на максимально широком лингвистическом поле и достаточном количестве языковых фактов. Вместе с тем в последние десятилетия историко-лингвистические исследования в нашей стране представлены лишь единичными публикациями.

Цель настоящей работы — на основе комплексного анализа языка одного из памятников письменности начала XVII века проследить, с одной стороны, степень сохранения традиций и, с другой стороны, формирование новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил язык текста письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года относительно некоторых не принятых и раскрытых Киевским собором его сочинений, опубликованных после перехода М. Смотрицкого в униатство. Письмо это впервые было опубликовано в 1865 году во втором томе сборника «Акты, относящиеся к истории южной и западной России».

Результаты и их обсуждение. Письмо М. Смотрицкого, известного религиозного деятеля начала XVII века, автора «Грамматики», являясь оригинальным документом, даёт современному исследователю возможность определить некоторые тенденции развития новых форм в языке восточных областей Великого княжества Литовского. В тексте письма отмечается ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей, восходящих к древнерусскому языку. Однако языковые формы такого рода уже нельзя назвать определяющими в языке анализируемого памятника письменности. В нём достаточно активно и последовательно отражаются как фонетические, так и грамматические языковые элементы, характеризующие формирование языка нового времени, приобретающего черты, отличающие его как от древнерусского (восточнославянского) предшественника, так и от языка, формирующегося на территории восточнее днепровского бассейна. Подобные языковые особенности в данном письме М. Смотрицкого представлены особенно широко.

Заключение. Текст письма М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года представляет несомненный интерес для историков-языковедов. С одной стороны, он отражает произошедшее у его автора изменение отношения к использованию им же выработанных в 1618 году языковых норм, что связано с изменением конфессиональных ориентиров М. Смотрицкого, с другой — текст письма объективно отражает развитие новых тенденций в формировании письменного языка на восточнославянской территории в первой трети XVII века.

Ключевые слова: язык, история языка, исторические лингвистические исследования, памятник письменности, текст, языковые формы.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 119–124)

The Letter of M. Smotritsky's of August 14, 1628: Linguistic Aspect

Vardomatsky L.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Conclusions regarding the time and origins of national fixedness of linguistic forms should be based on the widest possible linguistic field and a sufficient number of linguistic facts. At the same time, in recent decades, historical linguistic studies in our country are generally represented only by single publications.

The purpose of this work is, on the basis of a complex analysis of the language of one of the early 17th century written monuments, to trace, on the one hand, the degree of preservation of traditions and, on the other, the formation of new tendencies in the development of the written language in the East Slavic territory in the early 17th century.

Material and methods. The material for the study was the language of the text of M. Smotritsky's letter of to Metropolitan of Kiev I. Boretsky dated August 14, 1628 regarding some unaccepted and criticized by Kiev Council essays of his, published after M. Smotritsky had started following Uniate church. This letter was first published in 1865 in the second volume of the collection "Acts Regarding the History of the Southern and Western Russia".

Findings and their discussion. The text of the letter of the famous religious figure of the early 17th century M. Smotritsky, the author of the «Grammar», which is the original document, gives the modern researcher the opportunity to identify some traditional and new forms of language development of the Eastern regions of the Great Duchy of Lithuania. In the text of the letter a number of phonetic, lexical and grammatical features are noted, dating back to the Old Russian language. However, linguistic forms of this kind can no longer be called defining in the language of the analyzed monument of writing. It quite actively and consistently reflects both phonetic and grammatical linguistic elements that characterize the formation of the language of the new time, acquiring features that distinguish it from both ancient Russian (East Slavonic) predecessor and the language formed in the territory east of the Dnieper basin. Such language features in this letter of M. Smotritsky are presented especially widely.

Conclusion. The text of the letter of M. Smotritsky dated August 14, 1628 is of undoubted interest for linguistic historians. On the one hand, it reflects the change in attitude to the author's use of the linguistic norms developed by him in 1618, which is connected with the change in the confessional orientation of M. Smotritsky. On the other hand, the text of the letter objectively reflects the development of new trends in the formation of the written language in the East Slavic territory in the first third of the 17th century.

Key words: language, history of language, historical linguistic studies, a monument of writing, text, language forms.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 119–124)

Двадцать первый век, формируя новые геополитические реалии, одновременно пытается опереться на исторические параллели и истоки современных общественных процессов. И в качестве одного из важнейших аргументов достаточно часто используются факты языка «как естественного и всестороннего отражения жизни общества». Однако убедительность таких «фактов» на самом деле далеко не всегда очевидна. «Младограмматики» конца XX – начала XXI в. предлагают обществу ту диахроническую картину языка, которая соответствует их историческим пристрастиям (или желаниям), но которая не всегда соответствует историческим языковым реалиям. Язык – это намного более тонкий общественный инструмент. И прямолинейные выводы, а тем более формулировки определений относительно времени и истоков национальной закреплённости языковых форм должны базироваться на максимально широком лингвистическом поле и максимально большом количестве языковых фактов. Еще в 1903 году Д.И. Довгялло обращал внимание на необходимость «точного копирования древнейших актов как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка», поскольку только в этом случае можно говорить о достоверности выводов [1, XI]. В этом же году Е.Ф. Карским опубликован перечень доступных для лингвистического исследования документов XVI–XVII веков [2, с. 349–405]. Однако и к настоящему времени системное лингвистическое исследование письменных памятников эпохи формирования новых восточнославянских языков еще нельзя признать

исчерпывающим и законченным, тем более что в последние десятилетия историко-лингвистические исследования в нашей стране вообще представлены лишь единичными публикациями.

Цель настоящей работы – на основе комплексного анализа языка одного из памятников письменности начала XVII века попытаться определить (в возможной степени) языковую ситуацию, сложившуюся в восточных областях Великого княжества Литовского к этому времени, и истоки формирования некоторых начальных признаков белорусского и – отчасти – украинского языков, отраженных в рассматриваемом тексте. Это позволит хотя бы фрагментарно, но с большой долей вероятности (с учетом специальной эпистолярной стилистики, продиктованной особенной адресностью письма) проследить, с одной стороны, степень сохранения традиций и, с другой стороны, формирование новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил язык текста письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года, которое было написано им во время нахождения в монастыре святого «Михайла-Золотоверхого в Києви». В этом письме он просит митрополита о встрече, желая «усты ко устамъ, ... а не презъ трейтию особы» изложить митрополиту свою точку зрения относительно некоторых не принятых и раскритикованных Киевским собором его сочинений, опубликованных после перехода М. Смотрицкого в униатство. Письмо это впер-

вые было опубликовано в 1865 году во втором томе сборника «Акты, относящиеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссією» под № 50 [3]. С тех пор документ, по нашим сведениям, не переиздавался и известен сегодня лишь узкому кругу историков.

Сбор и анализ языковых особенностей текста письма проводился методом сплошной выборки и типологической классификации полученного материала с использованием метода сравнительно-исторического лингвистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследование языка указанного письма интересно в том числе и тем, что до его появления – в 1619 году – его автором М. Смотрицким были опубликованы «Букварь» и «Граматики славенския правильное синтагма». Именно с этого времени мы можем говорить о внедрении в восточнославянскую кириллическую письменность такого понятия, как нормированность, поскольку были сформулированы и предложены в качестве учебного материала правила и законы грамотного употребления языковых форм. И следует понимать, что первым хранителем и распространителем нормированной формы письменного языка являлся сам М. Смотрицкий. С другой стороны, девять лет, прошедшие со дня издания указанных учебных пособий, в эпоху резкого обострения конфессиональной борьбы, с особенной остротой проявлявшейся на территории восточной части нынешней Беларуси, не могли не отразиться на языке и в языке, который являлся и зеркалом, и жертвой, и знаменем этой борьбы. И с подобной точки зрения изучение языка текстов, написанных рукой М. Смотрицкого, представляет несомненный интерес для языковедов-историков.

К 1628 году М. Смотрицкий окончательно принимает униатство, активным противником и критиком которого он был еще 10 лет назад, создавая свою «Граматику». В его новых публикациях отчетливо звучат призывы к единению церквей, но с принятием правил униатской церкви. Новые конфессиональные ориентиры в прямом смысле отражаются и в языке его сочинений.

Нам известна копия письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года, выполненная неким «*Мартиномъ Климовичомъ, намѣстникомъ одѣ вельможного кнежати его мл. Александра зѣ Острога Жаславского, воеводы Кіевскаго... для вписаня до книгъ нинѣшнихъ кгородкихъ Кіевскихъ*» 30 августа 1628 года, то есть через 16 дней после напи-

сания оригинала. Эта копия и была опубликована археографической комиссией в 1865 году.

Прежде чем говорить о языковых особенностях письма, необходимо сделать вывод относительно соответствия текста, опубликованного в 1865 году, оригиналу. В этой связи мы исходим из следующего. Во-первых, копии такого рода, с которыми приходилось работать исследователям (записи документов в архивные книги, которые в те времена велись очень тщательно), практически всегда передают орфографические особенности оригинала. Встречающиеся единичные описки выявляются без заметных затруднений, поскольку даже зрительно выделяются из общей канвы текста. Во-вторых, данные копии сопровождаются, как правило, приписками, что они исполнены «слово в слово». Такая приписка присутствует и в рукописной копии, с которой осуществлялась публикация 1865 года: «*Ta karta przepisana slowo w slowo, iedno nie korygowano ieszcze manum*» – «Этот документ переписан слово в слово без внесения каких-либо исправлений». (Здесь и далее перевод наш. – Л.В.).

Публикация письма археографической комиссией в 1865 году, как и все публикации исторических документов этого времени, преследовала не языковедческие, а историографические цели. А в таких публикациях, что мы можем с сожалением наблюдать, например, в публикациях документов, относящихся к истории витебского края, А. Сапунова, языковая составляющая текста (и, как мы сегодня понимаем, важнейшая) часто приносилась в жертву фактологической, содержательной стороне документа [4]. В нашем случае проведенный анализ публикации 1865 года не выявил системных языковых противоречий, отклонений, «осовремененности» в передаче фонетических, лексических и грамматических особенностей текста. Следовательно, можно заключить, что и копия, сделанная в 1628 году, и опубликованный текст 1865 года аутентичны в языковом отношении оригиналу письма, написанного рукой М. Смотрицкого. Поэтому историко-лингвистический анализ текста даст нам возможность выделить некоторые языковые признаки, характеризующие письменную форму языка этого периода, фрагментарно проследить (с учетом специальной эпистолярной стилистики, продиктованной особенной адресностью письма) степень сохранения традиций и формирования новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

В качестве общей характеристики текста следует отметить, что он практически лишен выраженных старославянских признаков, что несколько странно, учитывая специфику его содержания. Исключение разве что составляет активное использование, особенно в начальной части текста, приставки *пре-* в именных формах со значением высшей степени качества: *преосвещенному митрополиту Киевскому, господиноу моему пречесному, съ прочією превозлюбленою братією, пречесных ми господиновъ*. Однако данная приставка – старославянского происхождения и, следовательно, должна писаться не через *-е-*, а через *-ѣ-*: *прѣ-* (как и *прѣд-*, и *чрѣз-*). Тем более, что по тексту во всех других необходимых случаях буква *ѣ* используется исторически правильно. Однако в случае с *пре-* / *прѣ-* М. Смотрицкий последовательно, значит сознательно, использует форму *пре-*. Предположение, что данное написание – влияние польской орфографии (ср. польск. *przed, przez*) маловероятно, поскольку еще в грамматике 1619 года М. Смотрицкий считает букву *ѣ* необходимым элементом орфографии. На наш взгляд, наиболее вероятным объяснением этой, с точки зрения исторической орфографии, «ошибки» может являться лишь то, что используемые в тексте слова, начинающиеся с *пре-*, к этому времени утратили первоначальное значение «высшей степени качества» и не воспринимались как восходящие к старославянскому варианту русской приставки *пере-*.

Одним из признаков старославянизмов (в том числе и в современном русском языке) является наличие аффрикаты *-щ-* на месте восточнославянской *-ч-*: *освещение* (но *свечение*), *совещание* (но старорусск. *вече*), *аще* (в Русской Правде – *аче*). Однако М. Смотрицкий смело и последовательно допускает в тексте своего письма восточнославянские разговорные формы. Так, на месте *-щ-* используется сочетание *-сч-*: *есче, допусчєнь, обсчмѣ, обсчого, преосвєщенства*. И только в одном случае *-щч-*: *присидѣщих*.

В этой связи интерес представляет и написание *-е-* в слове *митрополитъ* («преосвєченному митрополиту Киевскому...»). Сегодня (и в истории) распространенной формой этого слова является (и являлась) форма *митрополит*. На то, что в исследуемом тексте это не позднейшая опечатка, указывает точно такое же написание этого слова и во вступительной приписке к документу переписчика Мартина Климовича, выполнившего известную нам копию 30 августа того же 1628 года. Вероятно, здесь мы можем видеть эле-

мент обратной «реформаторской» деятельности М. Смотрицкого в области языка. Дело в том, что распространенная сегодня форма *митрополит* восходит к новогреческой *μῆτροπολίτης* («митрополитис»), где буква «η» произносилась как [и], что было принято и создателями кириллицы. М. Смотрицкий применяет старогреческий вариант фонетического значения этой буквы – [ε :]. (Сравните современное слово *метрополия*).

По всему тексту последовательно используется новая форма окончания родительного падежа *-ого* полных прилагательных и местоимений: «*презору отцевского*»; «*за одбижєного и зоставленого и оттрученого*»; «*которого возванія*». Известно, что в московских памятниках письменности часто продолжали сохраняться более старые переходные варианты на *-аго*: *милаго, доброго, светаго*.

Текст письма М. Смотрицкого отражает и некоторые сохраняющиеся к этому времени в разной степени активности и поддерживаемые автором «Грамматики славенския правильное синтагма», но объективно уходящие из восточнославянских диалектов грамматические формы. Среди них.

1. Окончания дательного падежа древнерусского типа склонения существительных на *-*ѣ* (что сегодня характерно польскому языку): «*господиноу моему пречесному*».

2. Энклитические формы возвратного местоимения в препозиции: «*въ которой ся уродилемъ*», «*ся друкуеть*».

3. Энклитические формы местоимения первого лица в Д. и В. падежах: «*превозлюбленную ми о Христи братією*», «*мя восточная светая Церковь... повееть*», «*мя... уродила*».

4. Старые формы В. и Р. падежей возвратного местоимения и местоимения первого лица: «*презь мене*» (вм. меня), «*себе судити*» (вм. себя), «*отъ себе оттрутили*» (вм. отъ себя).

5. Древнерусские формы Д.п. возвратного местоимения: «*собѣ не зычилъ*». Кстати, так же и в приписке Мартина Климовича: «*такъ се въ собѣ маеть*».

6. Формы, восходящие к плюсквамперфекту: «*судити мусилъ былъ*», «*гдѣ бысте... отбигли*».

7. Употребление формы винительного неодушевленного для существительного во множественном числе: «*черезъ посланники*» (вм. *черезъ посланниковъ*).

Однако отмеченные и подобные консервативные языковые формы такого рода уже нельзя назвать определяющими в языке анализируемо-

го памятника письменности. В нем достаточно активно и последовательно отражаются как фонетические, так и грамматические языковые элементы, характеризующие формирование языка нового времени, приобретающего черты, отличающие его как от древнерусского (древнеславянского) предшественника, так и от языка, формирующегося на территории восточнее днепровского бассейна. Подобные языковые особенности в данном письме М. Смотрицкого представлены особенно широко. И здесь контрастно выделяются две группы.

Первая группа новых для восточнославянских говоров языковых форм определяется их очевидной соотносительностью с польским языком. Особенно широко здесь представлены специфические формы глаголов первого лица: «*Сподевалемсе я*» («я надеялся»), «*пробылемъ о томъ*» («я прибыл для того...»), «*ся уродилемъ*» («я родился»). Такая же глагольная форма, кстати, используется и в предисловии к письму Мартина Климовича: «*пріймуючи читалемъ*» («принимая, я прочитал»). В двух случаях находим целые польскоязычные фразы, записанные кириллицей: «*безъ жадныхъ заводовъ диспутаційныхъ учинено быти належало*». Ср. в польск.: *Bez żadnych zawodów dysputacyjnych...*; «*што ся южъ стало презъ друкъ*». Ср. в польск.: *co się już stało przez druk.* – «Что уже произошло с помощью печати».

Причем обращает на себя внимание значительное количество именно лексических полонизмов в тексте письма: «*Вшеляко*» (польск. *wszelako*), «*за спольною о томъ номовою*» (польск. *wspólny*), «*презъ друкъ*» (польск. *przez druk*), «*сподевалемсе я звыклое*» – «надеялся я как всегда...» (польск. *zwykle*), «*въ справахъ церковныхъ намовы* – польск. *patowu* – «уговор, подстрекательство».

Ко второй группе отнесем целый ряд фонетических, лексических и грамматических явлений, отражающих этап формирования нового языка территории (первоначально, вероятно, от Вильно до Киева). Причем ряд отраженных в тексте явлений характеризуют формирующиеся белорусские языковые признаки. Среди них:

1. Отверждение исконно мягких шипящих: «*для чого въ край сеи на назначоный ... часъ пробылемъ*»; «*для чого черезъ посланники...*»; «*тяжшого нижъ есть вина моя*»; «*радою нашою*»; «*не шырачи тыхъ* (вм. более древн. *техъ*) *речей*»; «*до обского*».

2. Отражение на письме диссимилиации в сочетании **-чт-**, что характерно для белорусского

языка: «*абы што*», «*што ся южъ стало*»; «*штобы презъ мене ... быти належало*»; «*што бы ку смятению церковному быти*».

3. Предлог **зъ** на месте древнерусского **съ**: «*зъ себе самого*»; «*зъ воды и Духа уродила*».

4. Интересной особенностью текста является обозначение [p] отвердевшего (что не свойственно украинскому языку) в предисловии к письму киевского переписчика Мартина Климовича, которое исполнено в том же году и в том же месяце, что и оригинал письма М. Смотрицкого: «*Отець Іосифъ Бобрыковичъ*»; «*монастыра церкви брацкое*». Между тем в самом тексте письма [p] обозначается в соответствии с его этимологией: «*презъ трейтии особы*»; «*прошу презору*»; «*присидящихъ пречесныхъ ми господиновъ*». Однако написание **-е-** в приставке **пре-** в данном случае не может свидетельствовать о качестве звука [p]. Но сравним здесь же в тексте: «*пробылемъ*».

5. Анализируемый текст дает возможность говорить и о постепенном, но активном к началу XVII века совпадении [ѣ] с [е] в неполногласных сочетаниях. Причем текст письма свидетельствует, что первоначально этот процесс развивается в старославянских по происхождению предлогах-приставках, поскольку в них последовательно М. Смотрицкий использует **-е-** на месте более раннего **-ѣ-**: «*презъ трейтии особы*»; «*стало презъ друкъ*»; «*презъ мене*»; «*прошу презору*». Данный процесс уже отражается и в написании существительных старославянского происхождения с неполногласными сочетаниями: «*будеть вредъ*».

6. В ряде случаев на месте **-ѣ-** последовательно используется **-и-**, что отражает, вероятно, уже живую особенность украинской речи: «*Совиту милости вашихъ*»; «*дило есть немощное*»; «*всихъ до того совитомъ належащихъ*»; «*преотлиглость мещца*»; «*во мни*», «*въ Києви*». В этом не было бы ничего странного, если вспомнить о месте рождения М. Смотрицкого. Однако в предыдущих текстах, изданных М. Смотрицким, такая украинская фонетическая особенность столь последовательно не отражалась. Интересно, что в приписке-послесловии Мартина Климовича к копии письма переход **-ѣ-** в **-и-** практически не отражается: «*Писанъ у Києвѣ*».

Подобную особенность – появление [u] на месте более раннего [ѣ] – отмечал еще Е.Ф. Карский: «Малорусизмов на первых порах в него (в письменный язык. – Л.В.) не вносили: они заходили постепенно, все более и более возраста. Особенно при Петре Могили (1596–

1647 г. – Л.В.), когда центр западнорусской образованности из Вильны был перенесен в Киев, малорусизмы полились в западнорусский язык обильным потоком. Киевский литературный язык этого времени уже не может быть назван западнорусским» [2, с. 342].

Заключение. Как видно, текст письма М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года представляет несомненный интерес для историков-языковедов. С одной стороны, он отражает произошедшие у его автора изменения отношения к использованию им же выработанных языковых норм, что связано с изменением конфессиональных ориентиров М. Смотрицкого, с другой – текст письма объективно отражает развитие новых тенденций в формировании письменного языка на восточнославянской территории в первой трети XVII века. Однако это все еще лишь тенденции. И о существовании к этому времени трех самостоятельных восточ-

нославянских языков на основании имеющихся фактов говорить, на наш взгляд, еще преждевременно.

Литература

1. Довгялло, Дм.Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый [Электронный ресурс] / Дм.Ив. Довгялло. – Витебск, 1903. – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd>. – Дата доступа: 10.12.2018.
2. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский. – Варшава, 1903. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. – 478 с.
3. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссією. Томъ второй (1399–1637). – Санктпетербургъ, 1865. – С. 76.
4. Сапунов, А. Витебская старина / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1. – 668 с.

Поступила в редакцию 24.05.2019